

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Бессознательное и сознательное в уединении и на миру

А. Э. ВОСКОБОЙНИКОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В основе психической жизни человека лежит филогенетически врожденное бессознательное. С ним связано онтогенетически сформировавшееся бессознательное — подсознание. Образует единое целое, эти два типа бессознательного служат фундаментом для предсознания и сознания.

Ключевые слова: глубинное бессознательное, подсознательное, сознательное, неосознаваемое, вершинное бессознательное, рациональное, иррациональное, стихийное.

*Мы часто действуем случайно,
Хандрим и любим невзначай;
Все в нас от нас творится тайно,
Как за собой ни примечай.*

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Во времена не столь отдаленные бытовала такая байка: кинокритик Сидоров все же решил признать *звуковое* кино, после того как выписался из лечебницы, в которой ему восстановили слух, утраченный в раннем детстве. В нашей стране более полувека проблематика бессознательного официально идеологически искажалась. Я храню как раритеты обучающие альбомы 1930-х годов, в которых картинки наглядно убеждали, что у советских людей нет ничего бессознательного, оно может быть только у тех, кто «за бугром»; что лучший способ сексуального воспитания молодежи — это сбор металлолома и обучение игре на пионерском горне. Так уж повелось, что мы — страна больших перегибов и постоянно кидаемся из одной крайности в другую. А желательно все-таки проявлять чувство меры и подходить к подобным проблемам непредвзято.

Не признавая существенную роль бессознательного, трудно понять, какая психика

у животных, чем полностью детерминировано поведение в раннем детстве, что ведет человеческую психику в интуитивном творческом поиске, управляет сновидениями, хранит информацию долговременной памяти и многое другое. Вся наша жизнь соткана из взаимно переплетенных сознательных и бессознательных процессов. Если убрать бессознательное, ни один сознательный процесс невозможен. Скажем, невозможно стало бы обсуждать саму эту проблему, хотя бы потому, что мы используем язык, а он, кроме осознанной смысловой части, имеет скрытые бессознательные структуры. Бессознательное проявляется в психике повсеместно, и ничего плохого в этом нет. Наоборот, стоит восхититься человеком, многослойным, противоречивым, развивающимся, разным в разных ситуациях.

Попытки же доказать, чего в человеке больше — сознательного или бессознательного, в чем-то схожи с попытками решить, чего больше у фруктовых деревьев — корней или плодов. Хотя сознательное и бессознательное взаимодействуют между собой и являются нераздельными частями единого целого, они все же концентрируются на разных уровнях духовно-психической жизни и имеют сущест-

венные различия. А количественно сравнивать можно только подобное с подобным. Поэтому важно уточнить, *что именно* избирается для измерения — максимально возможное количество содержащейся информации, ее сравнительная ценность или что-то еще.

Можно, конечно, сравнивать сознательное и бессознательное по степени взаимного влияния. Но последнее может меняться в зависимости от целого ряда факторов, имеющих исторический, индивидуальный и ситуационный характер. Если рассматривать конкретного человека в конкретных жизненных и исторических обстоятельствах (а также с определенной стороны), то он может представлять и рациональным, и иррациональным, и сознательным, и бессознательным.

Хотелось бы рассмотреть некоторые понятийные аспекты. По словам чеховского свадебного генерала, каждое слово имеет свое «таинственное недоумение». Действительно, многие понятия (даже привычные) нередко требуют уточнения.

Да, *стихийного* больше в бессознательном, чем в сознательном. Но трудно согласиться с *отождествлением* стихийного и бессознательного. Ведь сознание тоже порою может проявляться в стихийной форме (как осознанно свободный, но случайный выбор).

Да, бессознательное часто связано с непониманием¹, а также с неполным или ошибочным пониманием. Но подобные претензии можно предъявить и к сознательному. Обманываться, ошибаясь, можно на обоих уровнях. Другое дело, когда расчетливо и преднамеренно лгут, что гораздо проще на сознательном уровне (бессознательное же фактически не расщепляет образ и оригинал, полностью доверяя данности чувственных восприятий).

Наконец, вряд ли можно безоговорочно связывать бессознательное с иррациональным. Ведь в бессознательном могут протекать процессы, имеющие рациональную сторону, а в сознании — имеющие иррациональную сторону.

В чем же тогда суть бессознательного? Скорее всего, к рассмотренным выше характеристикам, в какой-то мере присущим бессознательному, придется в будущем добавить еще нечто такое, что только предстоит установить.

На современном же этапе исследований, по моему мнению, одна из важнейших характеристик, отличающая бессознательное от сознания, — это особый невербальный язык, в котором, возможно, слиты воедино и оценочные, и модельно-информационные, и побудительные аспекты психической жизни.

Вообще говоря, существование бессознательного — гораздо менее удивительная вещь, чем появление и существование сознания. То, что в бессознательной психике изначально было *целостно нерасчлененным*, со временем эволюционно расчленяется, в известной мере, на самоцентрированное ментальное моделирование реальности (приводя к возникновению теоретического познания), ее чувственное воплощение (порождая нравственные, эстетические и прочие человеческие переживания) и осознанную волевою устремленность (ориентируя на деятельностное участие в происходящих событиях).

Итак, то, что в глубинном бессознательном нерасчленимо слитно и являет себя лишь через разные типы функционирования целостной психики, на более высоких уровнях начинает структурно все более расщепляться, автономизироваться, оставаясь тем не менее в рамках единого целого. И все это в конечном счете для того, чтобы снова сблизиться и взаимно раствориться на еще более высоком уровне, который нередко условно называют сверхсознанием или вершинным бессознательным.

Многие проблемы современного человека уходят своими корнями в его неспособность понять сущность сознательных и бессознательных мотивационных сил, лежащих в основе всех его действий и определяющих многообразие его личного и социально-группового поведения.

Неосознаваемые установки и связанные с ними ценностные ориентации могут приводить к тому, что человек видит то, чего нет, и не видит того, что есть. В Средние века тысячи глубоко религиозных людей видели ангелов и святых духов. В то же время существует особая «избирательная невнимательность» (выражение Г. С. Селливан), которая состоит в умении и в самом деле «не замечать» то, что выгодно оставлять незамеченным. Неосознан-

ная оценочная избирательность может проявляться в том, что человек не видит свои недостатки или просчеты. Фундаментальным примером существования «слепого пятна» в самовосприятии служит наше отношение к своей смертности: даже признавая ее неизбежность, мы живем, больше ориентируясь на «иллюзию бессмертия».

Иногда избирательная невнимательность может приобретать характер общенациональной «эпидемии». В годы тоталитарной партократии многие люди «не замечали» отсутствия свободы слова, собраний, совести, жестокого преследования любых форм инакомыслия, суровых репрессий, вопиющих нарушений «социалистической законности». Срабатывала трусливо-защитная подсознательная установка — лишь бы самому уцелеть и добиться жизненного успеха... А в наши дни те, кто баснословно разбогател за счет противозаконного и вопиюще аморального «перераспределения» в свою пользу общегосударственного достояния, стараются «не замечать» обратной стороны своей деятельности — резкого обнищания государства и широких слоев населения, а также собственной нравственной деградации.

На подсознательном уровне функционируют прижизненно выработанные психические автоматизмы, стандарты, мотивы, условные рефлексы, навыки, нормы, привычки, стереотипы и др.

Что касается стереотипов, то они представляют особый интерес в связи с той угрозой, которую несет их использование в целях манипулирования людьми. К понятию «стереотип» примыкают близкие по смыслу понятия «автоматизм» и «стандарт». Они уже не имеют пренебрежительно-негативного оттенка, связанного с предвзятостью или неточностью, приписываемые стереотипу. Стандартам и стереотипам в познании и переживании соответствуют устойчивые нормы и традиции в поведении и общении.

Как известно, при достижении человеком высшего уровня мастерства в том или ином виде деятельности происходит свертывание и автоматизация соответствующих операций. Но не только это. Исчезает необходимость постоянного сознательного контроля за тем, как

они осуществляются. Поэтому они «уходят» в сферу подсознания.

То, что в подсознании существует немалое количество стандартов и автоматизмов, имеет свои минусы и плюсы. Они лишают психические процессы ничем не стесненной гибкости и не могут быть успешно использованы в нетипичных ситуациях. В то же время они играют роль блоков, опираясь на которые можно решать задачи, связанные даже с высоким творчеством. И многое при этом будет зависеть от того, насколько надежны и разнообразны подобные блоки. Не зря в театральной среде говорят, что хороший актер имеет 300 штампов, средний — 100, плохой — 20 или 5...

Современное индустриальное производство все более автоматизируется и стандартизируется. Человек либо поднимается над уровнем строго регламентированных и стандартизированных действий и операций (переходя к творческим и не столь узкоспециализированным), либо остается на уровне обслуживаемых автоматов и уподобляется им.

Нарастающий процесс стандартизации, регламентации охватывает не только область индустриального производства, но и другие сферы производственной и социальной жизни. Ведь в любой сложной системе — по мере ее дальнейшего развития стандартизируется все большее число операций, процессов и пр. Это не означает, что обязательно уменьшается число неавтоматизированных операций и процессов, нестандартизированных свойств. При *нормальном* развитии их число тоже растет. Происходит как бы общее «обрастание» системы все новыми и новыми стандартными и нестандартными свойствами и отношениями, ее обогащение новыми автоматизированными и неавтоматизированными процессами и операциями, новыми узкоспециализированными и целостными функциями.

Но при *аномальном* развитии все или почти все нестандартное переходит в стандартное. Аномальное развитие в социальной сфере приводит к тому, что социальные отношения чрезмерно формализуются, стандартизируются и бюрократизируются. Человек же в таких условиях превращается в обезличенный механически функционирующий агрегат, а его

творческое начало и «высокий полет души» остаются невостребованными. Духовной же пищей такого «регламентированного» человека призвана стать (по мнению тех, кто в таком человеке заинтересован) масскультура.

Своеобразный ракурс соотношения сознательного и бессознательного открывается при анализе *социально-исторического* процесса. Его не только масштабная, но и качественная многоликость и многослойность представляют прежде всего две панорамы — социально-временную и социально-пространственную. Остановимся хотя бы на первой.

Концепцию различных типов исторической длительности (*дурее*) и особой ценности длительных хронологических единиц успешно развивал известный французский историк, возглавлявший школу «Анналов», Ф. Бродель. Самый непосредственно данный и поверхностный уровень исторических событий в большей мере *осознается* людьми. Он воплощает опыт повседневной жизни и составляет содержание обыденного как индивидуального, так и группового сознания. На этом быстротекущем «событийном» («хроникальном») уровне разворачиваются многие события — экономические, социальные, институциональные, религиозные, природные (например, землетрясение или неурожай); особенно характерен этот уровень для политических событий. Средний уровень включает уже гораздо более длительные ритмы. Эти исторические ритмы «средней длительности» носят циклический характер продолжительностью в несколько десятков лет (примером могут служить некоторые циклы экономического развития). Люди, как правило, не осознают процессы этого уровня, хотя и вовлечены в них. На третьем уровне процессы уже столь продолжительны, что их циклическая ритмика может проявиться только на многовековых интервалах. Естественно, что подобные фундаментально-сущностные процессы еще более скрыты от сознания (особенно от обыденно-практического сознания).

Выскажем в связи с этим некоторые дополнительные соображения. Хотя исторические процессы среднего и высшего уровня ускользают от непосредственного наблюдения и осо-

знания, те из них, которые представляют большую значимость для человеческого существования и жизнедеятельности, запечатлеваются в глубинном бессознательном. Но это не «модельная» форма запечатления, воспроизводящая реальность саму по себе, а скорее программа выживания и развития в многократно повторяющейся физической, биологической или социально-исторической ситуации. Безусловно, ярким примером подобных программ выживания и развития являются архетипы. Одни из них воспроизводят бесчисленное число раз повторившиеся события первого уровня длительности. Другие — события гораздо более продолжительные, которые воспроизводятся благодаря несравненно большей степени миниатюризации. Архетипам первого рода на сегодня уже посвящено множество публикаций, и мы сами тоже рассматриваем их в настоящей работе. Архетипы второго рода, как нам кажется, пока еще глубоко не изучались и зачастую вообще не выделяются как особый, специфический род архетипов.

В отличие от традиционной историологии, которая зачастую «питалась» быстротекущими событиями, современная больше интересуется весьма продолжительными историческими «длительностями».

В то же время нельзя впадать в крайность, поворачиваясь спиной ко всему быстротекущему. Да и событие событию рознь... В нынешней социальной действительности осмысление многих новоявлений не терпит отлагательства. В связи с этим рассмотрим некоторые моменты окружающей жизни.

Деформация положительных эмоциональных связей человека с окружающим социальным миром, «выпадение» из него ведут к тягостному чувству одиночества и беспомощности. Не случайно одиночество и ощущение социальной изолированности усиливаются при любом человеческом горе.

Но когда рвутся связи между людьми и возникает некоммуникабельность? Это происходит тогда, когда другой человек *вместо цели превращается в средство* и из страдающего и переживающего подобно тебе субъекта начинает восприниматься как вещь. А с вещью *диалог* невозможен.

Но почему другой человек начинает восприниматься как вещь? Потому, что исчезают или деформируются *позитивные социальные чувства* взаимооплодотворяющей общности, а благотворное активизирующее чувство неполноценности перерастает в *комплексы* неполноценности, величия или деперсонализации.

Одна из причин реформаторских неудач постперестроечных властей связана с роковым стремлением решительно потеснить почти все основные формы *коллективистской мотивации*, всячески насаждая вместо нее сугубо *индивидуалистскую*. Как результат — заметное увеличение отчуждения в отношениях между людьми, расширение грубых насильственных форм в разрешении межличностных и межгрупповых конфликтов, резкая переориентация на приоритет материальной выгоды. Это особенно болезненно для россиян. Ведь их культура, традиции, особенности психического склада в значительной степени были нацелены на относительно высокие *духовные ценности* и *солидарные* формы жизни, *общинность*, *коллективизм*. Отрицательные моменты были заложены не в этих принципах самих по себе, а в тех манипуляторских злоупотреблениях, которым они подвергались со стороны тоталитарной власти. Будучи очищенными от последних, эти формы могли бы сполна раскрыть свой богатый потенциал и в нравственной сфере, и в творчестве, и в производственной деятельности, и в сфере управления.

Обыгрывая известный гегелевский тезис, американский неофрейдист Н. Браун говорил, что не «хитрость разума», а «хитрость влечения» движет историю. Россияне в значительной мере неосознанно участвуют в политической жизни. Так, например, они больше, чем на доктрины, реагируют на самих политических лидеров. И это имеет свои объяснения. Люди привыкли, что их обманывают, поэтому они мало верят программным документам и трибунным заверениям, а больше полагаются на свою интуицию, на свое стихийное «нравится — не нравится». «Платон мне друг, но истина дороже» — это не про нас. Нам ближе другой афоризм: «Лучше ошибаться, поддерживая Платона, чем быть правым, поддерживая других». Главное, чтобы Платон был *свой* человек.

Однако найти близких тебе людей стало просто. Взаимная неприязнь превратилась в общенациональную болезнь: одни громко скандалят, другие тихо ненавидят друг друга... Островки взаимной привязанности и любви кажутся почти нереальными в этом океане недоброжелательности и ксенофобии. Многие из нас отказались от стереотипа внешнего врага с его внутренней агентурой. Но широко распространился новый, в основном неосознаваемый стереотип — «врагом» может оказаться каждый... Порою за этим стоят реальные противоречия. Но нередко — надуманные.

Чувство неполноценности и комплекс неполноценности (как и мания величия), а также вырастающая из них ксенофобия существуют не только у отдельных людей, но и у народов (и социальных групп). Конечно, они существуют не в какой-то «общенародной голове», а в головах тех или иных деятелей в виде «социально-национального представительства» определенных образов и идей в их психике. Последние располагаются прежде всего на подсознательном уровне. Например, кое-кому гораздо более комфортно (для национального достоинства) переложить вину за все прегрешения на «лиц кавказской национальности» или «жидомасонов», не замечая своей собственной политической или экономической импотенции или не видя реальных виновников — политических проходимцев и торговых жуликов.

Все политические партии и движения должны отказаться от запугивания возможной гражданской войной, провозгласить ее полную неприемлемость и выработать план совместных действий по ее гарантированному предотвращению.

А теперь тезисно сформулируем основные принципы и характеристики, которые могла бы включить научная концепция бессознательного.

Бессознательное — это специфическая фундаментальная форма ценностно-мотивационной, познавательной и побудительно-волевой активности человека (и социальных групп), имеющая самые многообразные проявления, собственный способ выражения, не находящаяся под непосредственным контролем сознания и связанная с особым характером поведения и деятельности.

И в филогенезе, и в онтогенезе возникновение бессознательного не только предшествует возникновению сознательного, но и служит необходимой базой для этого возникновения. С появлением сознания бессознательное не исчезает, а лишь в определенной степени трансформируется, *продолжая исполнять все свои основные функции.*

Сознание неотрывно от бессознательного: ведь и *структурные формы* сознания, и фундаментальные *способы его функционирования*, и *хранилища* накопленных им знаний, умений и переживаний находятся за его пределами — в сфере бессознательного (в широком смысле).

Материальной основой функционирования бессознательного является (как и для сознания) работа мозга и деятельность личности. При этом бессознательное более непосредственно, чем сознание, связано с физиологическими процессами.

В основе психической жизни человека лежит филогенетически врожденное бессознательное (*глубинное бессознательное*). С ним непосредственно связано онтогенетически сформировавшееся бессознательное (*подсознание*). Образую единое целое, эти два типа бессознательного служат фундаментом для предсознания и сознания.

Бессознательные процессы большей частью не управляются сознанием, протекают в основном без его вмешательства, ускользают от непосредственного внимания и в своей основе латентны.

В глубинном бессознательном психическом отражении субъект неотделим от объекта (образ неотделим от оригинала), и они выступают как одна и та же слитная, нерасчлняемая целостность. Разделение субъекта и объекта происходит на более высоких уровнях психической деятельности в результате филогенетического и онтогенетического развития.

Бессознательное в принципе познаваемо, хотя и не самопознаваемо. Оно не является субъектом собственного осознания, но может быть объектом, изучаемым сознанием. У бессознательного отсутствует рефлексия (обращенность на самое себя). Сознание же обладает рефлексией, связанной с самосознанием.

Бессознательное неявно вовлечено во всю познавательную деятельность, осуществляемую сознанием; сознание бессильно что-либо познать, если оно не опирается при этом на бессознательное.

И в познавательной, и в ценностно-мотивационной, и в побудительно-волевой сферах бессознательное играет огромную роль, перерабатывая информацию, вырабатывая оценки и регулируя поведение.

Бессознательное и сознание в значительной мере структурируются соответствующими им языками, а сами эти языки структурируются соответствующими видами деятельности.

Бессознательное функционирует, опираясь на особый невербальный язык.

Бессознательные процессы характеризуются гораздо большей непрерывностью, чем сознательные. Поэтому семиотическое поле бессознательного гораздо «плотнее», чем у сознания.

Образуя глубинный фундамент психики, бессознательное в своей деятельности в значительной степени нацелено на психическое *сохранение (гомеостазис)*, а деятельность сознания — на *изменение* разнообразных свойств и процессов, связанных с жизнью человека на психическом и социокультурном уровнях.

Бессознательное связано с внешним миром в основном каузальными связями. В самом бессознательном причинно-следственные связи хотя и проявляются, но не осмысливаются, не рефлексированы. Сознание выделяет и анализирует как причинно-следственные, так и прочие (функциональные, целеполагающие) связи. Чем выше развито сознание, тем большую роль для него играет целеполагание.

Природное и социальное бытие в большей степени детерминируют бессознательное, чем сознательное в человеке. Принудительное воздействие бытия на сознание осуществляется в значительной мере через бессознательное.

Сознание обладает несравнимо большей мерой самодетерминации и свободой выбора, чем бессознательное. Именно целеполагающая и целереализующая деятельность сознания позволяет человеку сделать более насыщенными связи между прошлым, настоящим

и будущим, глубже и полнее сомкнуть их в единую бытийную целостность.

Связь между бессознательным и сознательным имеет характер единства и взаимодействия противоположностей. Обычно бессознательное играет вспомогательную роль по отношению к сознанию, но порою бывает и наоборот. Кроме того, и сознание, и бессознательное — в своих высших совместных проявлениях — участвуют в деятельности сверхсознания.

Нам кажется, что подобное сверхсознание лучше рассматривать не как высшую разновидность бессознательного, а как *особый самостоятельный уровень* в духовном мире человека, на котором прежние и *бессознательное*, и *сознательное* даны в преобразованном и «снятом» виде. Дискурсивность, отсутствовавшая на глубинно *бессознательном* уровне и возникающая на *сознательном* уровне, на *сверхсознательном* уровне становится «снятой» (продолжающей существовать, но в скрытой, чрезвычайно «сжатой» форме). Благодаря этому рефлексивность остается, хотя дискурсивность становится латентной.

Так понимаемое сверхсознание не обязательно связывать с одной только познавательной или художественной интуицией. Оно может включать и самые высшие формы переживаний, которые захватывают целиком всего человека и по значимости соразмерны с ценностью его жизни (или даже превышают ее)². Кстати говоря, не случайно в минуты наивысшего счастья человек не способен рассуждать чисто логически. Ему трудно зафиксировать это состояние, говоря: «Я *сейчас* как никогда счастлив...» Обычно, лишь оглядываясь назад, признаются: «В то время я был как никогда счастлив...»

Кроме представленного выше распространены и иные толкования сверхсознания. Порою под этим термином понимают общественное или социально-групповое сознание (а также его отдельные формы), считая субъектом сверхсознания общество или отдельные большие социальные группы. Согласно же религиозным учениям и философско-религиозным доктринам сверхсознание имеет трансцендентную природу, и его субъектом является Бог.

«Размывание» предмета философской антропологии зачастую связано не столько с различными аспектами изучения человека, сколько с чисто индуктивным методом его постижения: делаются попытки всестороннего описания и последующего простого суммирования всех разнообразных проявлений специфически человеческой деятельности.

Проанализировав человека в многообразных аспектах, мы приходим к заключению о диалектическом единстве всех основных начал и о невозможности сведения человека к одному из них. Все они существенно переплетены в человеке как неделимой целостности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Непонимающий субъект может иметь дело с такими типами непонимаемого: 1) не понимаемые им процессы или явления на уровне сознательной жизни как его самого, так и общества (непонятные страницы в учебнике или программах политических партий); 2) не понимаемые им процессы или явления на уровне бессознательной жизни как его самого, так и общества (непонятные влечения, глубинные установки, манипуляционные стереотипы); 3) не понимаемые им природные процессы и явления.

Используя аналогию, покажем принципиальную разницу между непониманием 1-го и 2-го типа. 1-й тип: не понимают друг друга два человека, говорящие на одном и том же родном языке. 2-й тип: два человека, каждый из которых говорит на своем родном языке, безуспешно пытаются понять друг друга.

² Возможно, благодаря подобным переживаниям человеку непосредственно открываются невероятное многообразие, бесконечность и вечность мира как часть его самого («многое в едином», «большое в малом»).

THE UNCONSCIOUS AND THE CONSCIOUS IN SOLITUDE AND IN PUBLIC

A. E. Voskoboinikov
(Moscow University for the Humanities)

In the basis of the mental life of person there is the phylogenetically inborn unconscious. It is related to the ontogenetically formed unconscious — the subconscious. Forming a unity, these two types of the unconscious are the foundation for the preconscious and conscious.

Keywords: the innermost unconscious, the subconscious, the conscious, the nonconscious, the vertex unconscious, the rational, the irrational, the spontaneous.